

• Люди искусства

ПРИЗВАНИЕ

СЕМЬ лет выступает на калининской сцене заслуженный артист РСФСР Виктор Семенович Ростовцев. В сущности не так уж и много. Особенно, если учесть, что сегодня общественность города отмечает пятьдесят прожитых им лет, из коих более половины отдано театральному искусству. И тем не менее трудно сейчас представить себе Калининский драматический театр без Ростовцева. Столь органична его сопричастность к жизни нашего театра. И определяется она отнюдь не только количеством сыгранных крупных ролей.

Сценический стиль Ростовцева, его гражданственность и личная пристрастность совершенно очевидны. Актера привлекают натуры цельные, сильные, характеры пусть трудные, но неординарные. Здесь король Лир и профессор Колчанов, древний философ Эзоп и наш современный доктор Устиленко. Этот перечень можно было бы продолжить, бросая ретроспективный взгляд на творческий путь Ростовцева.

Но тогда как же быть, скажем, с образом Якова из «Последних» Горького? Ведь не сила в этом человеке, а нравственное бессилие, не цельность характера, а душевная рыхлость? И доброта его какая-то ущербная, обидная. Казалось бы, образ Якова лежит далеко за пределами художнического пристрастия актера. И все же как это было сыграно! С каким эмоциональным зарядом, с каким мастерством перевоплощения! Невозможно забыть постоянно тревожный и в то же время какой-то погасший взгляд смертельно больного, никому не нужного Якова. И опять деталь... Как всегда, счастливо найденная актером деталь какого-то физического действия, выражающего внутренний посыл: в самых кульминационных сценах — дрожащая рука, тянущая из кармана ко рту

семечки. Контраст острой драматической ситуации и совершенно нелепого занятия семечками создает эффект удивительный. Без реплик, без дополнительных средств сценического усиления становится понятен и сам человек, и его полная отрешенность от всего окружающего. Мертвец, которого забыли похоронить.

Так что же тогда, какая черта, какая сценическая доминанта определяет актерскую индивидуальность Ростовцева? Думается, прежде всего — достоверность. Безусловная достоверность самого способа существования на сцене в любой роли. В каком бы спектакле он ни появлялся перед зрительным залом, тотчас возникает столь необходимая атмосфера доверия.

Ростовцеву веришь. Во всем, что он делает на сцене и чего не делает, но что незримо смеется или плачет в его душе и что тончайшими, неуловимыми приемами своего профессионального мастерства он так или иначе доносит до зрительного зала. Это и есть главное, что отличает актерский стиль, актерское дарование Ростовцева.

Все творчество этого большого мастера сцены начинается с ясного понимания политической значимости и идейной принципиальности театрального искусства. В любой его роли всегда четко просматривается партийная позиция художника — коммуниста, солдата идеологического фронта. Для подтверждения этого достаточно вспомнить хотя бы созданные им в недавнем времени образы секретаря обкома партии Волобуева в «Инее на стогах» или Береста в «Платоне Кречете».

Внимательный, любящий свой театр зритель, видимо, давно заметил, что Ростовцев очень осторожно, скупно прибегает к гриму, наклейкам, парикю. Эта умеренность в использовании гримовых средств идет не от псевдоноватор-

ства, не от стремления к самоутверждению актера и не от показного равнодушия к внешним приметам роли. Она заложена в самой сути его творчества. Ибо перевоплощение этого артиста в сценический образ всегда и прежде всего явление внутреннее, психологическое, даже там, где острая характерность роли продиктована самой пьесой. Он не боится, что зритель с первого же выхода узнает, скажем, в Эзоне Ростовцева. Это его ничуть не смущает. Потому что очень скоро в сознание зрителя войдут не внешние черты хорошо знакомого артиста, но образ великого мудреца, чью мужественную, свободолюбивую душу так и не удалось высокими цепями рабства. А от самого актера в том образе останутся только индивидуальность, его гражданственное, идейное и эстетическое отношение к созданному образу, то есть все то, что отличает Эзона—Ростовцева от других исполнителей этой роли.

Профессия актера одна из тех, в которых без жизненного призвания, без одаренности, без страстного веления души делать нечего. И благо тому, кто, как Виктор Семенович Ростовцев, нашел свое истинное место в искусстве.

Я. ЗВЯГИН.

вт